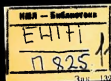
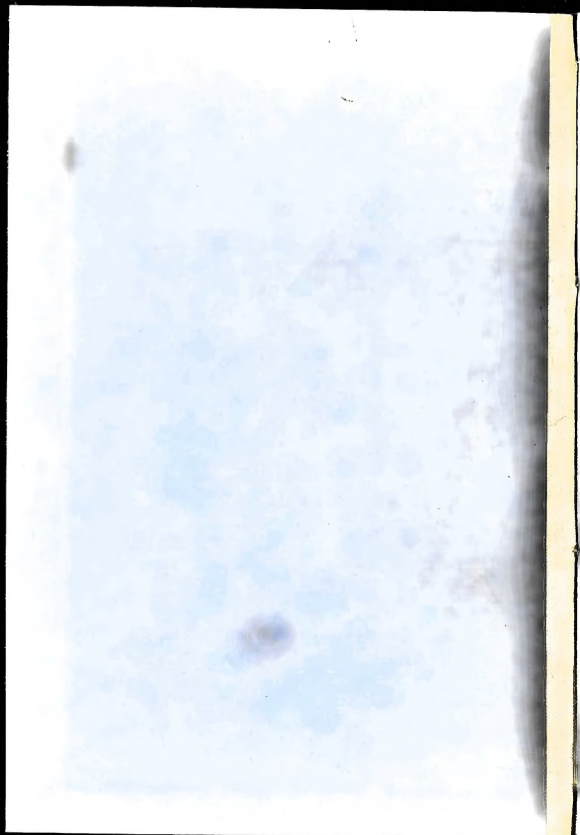

Троцкий, Л.

Порядок
из хаоса.

М., 1919.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединитесь!“

Л. Троцкий.

М.ж

X

Библиотека
Института Ленина
Уч. Ц. К. В. К. Д.

ЕН171
825

1063127 (1427) ~~12/82~~

Порядок

3/11 с. 1.

из хаоса.

Цена 40 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Всероссийского Центрального Исполнительного
Комитета Советов Р., С., К. и К. Депутатов.

МОСКВА—1919.

Немецкие солдаты торопятся к себе на родину из тех стран, куда их забросила преступная воля германских захватчиков. В пути на немецких солдат нападают повоевавшие польские полки, разоружают их, а то и избивают. Англо-французы и американцы вцепились в горло Германии и, глядя на часы, подсчитывают ее лихорадочный пульс. Это не мешает им требовать от ее правительства, чтобы остатки немецких войск вступили в бой с Советской Россией и помешали ей освободить оккупированные немецким империализмом земли. Бельгийцы, страна которых еще вчера только была распята германским империализмом, сегодня захватывают чисто-немецкие Прирейнские области. Полунищие, истощенные своими правящими конокрадами, румыны, столица которых попеременно становится добычей немцев и англо-французов, сами захватывают Бессарабию. Трансильванию и Буковину. Заморские американские полки сидят на тычке нашего голодного и холодного Севера, недоумевая, зачем их туда привезли. По улицам Берлина, еще недавно гордившегося своим железным порядком, переливаются кровавые волны гражданской войны. Французские войска высадились в Одессе, а тем временем обширнейшие области самой Франции заняты американскими, английскими, австралийскими, канадскими войсками, которые обращаются с французами, как с жителями колонии. Воскресающая после почти полуторазекового небытия Польша с каким-то горячевым нетерпением ввязывается в бой с Украиной, Пруссией и провоцирует Советскую Россию.

Американский президент Вильсон, шитый белыми нитками, ханжа и лицемер, Тартюф на постном квакерском масле, странствует по окровавленной Европе, как высший представитель морали, как мессия американского доллара, карает и милует и устраивает судьбы народов. Его все заывают, приглашают, умоляют: итальянский король, правительства и предательствующие грузинские меньшевики, униженный и искательствующий Шейдеман, обездельный тигр французского мещанства Клемансо, все несгораемые кассы лондонского Сити и даже повивальные бабки Швейцарии. Подвернув штаны, Вильсон шагает через лужи европейской крови и милостью нью-йоркской биржи, которая хорошо поставила последнюю ставку в европейской лотерее, объединяет юго-славян с сербами, приценивается к короне Габсбургов, между двумя понюшками табаку округляет Бельгию за счет ограбленной Германии и прикидывает в мозгу, пельзя ли двинуть орангутангов и панванов для спасения христианской культуры от варварства большевиков.

Европа похожа на сумасшедший дом, и кажется на первый взгляд, что обитатели ее сами не знают за полчаса, кого они будут резать и с кем брататься. Но один урок неотразимо выступает из смутных волн этого хаоса—пре-

ступная ответственность буржуазного мира. Все, что ныне происходит в Европе, было подготовлено прошлыми веками, строем хозяйства, государственными отношениями, системой милитаризма, моралью и философией господствующих классов, религией всех попов. Монархия, дворянство, духовенство, бюрократия, буржуазия, профессиональная интеллигенция, владыки богатств и властители государств,—это они подготовляли и подготовили те непостижимые события, которые делают старую «культурную», «христианскую» Европу столь похожей на сумасшедший дом.

Европейский «хаос» является хаосом только по форме; по существу в нем находят свое выражение высшие законы истории, которая разрушает старое, чтобы на месте его создать новое. При помощи одних и тех же винтовок население Европы сражается сейчас во имя различных задач и программ, отвечающих разным историческим эпохам. В основе своей они сводятся к трем: империализм, национализм, коммунизм.

Война эта началась, как свалка великих капиталистических хищников во имя захвата и раздела мира,—в этом и состоит империализм. Но для того, чтобы двинуть на борьбу многомиллионные массы, натравить их друг на друга, поддерживать в них дух ненависти и остервенения, нужны были «идеи» или «настроения», близкие обманутым и обреченным на истребление массам. Этим гипнотическим средством в распоряжении империалистических бандитов явилась идея национализма. Взаимная связь людей, говорящих на одном и том же языке, принадлежащих к одной и той же нации,—большая сила. Эта связь не чувствовалась, когда люди жили патриархальной жизнью в своих селах или провинциальных районах. Но чем больше развивалось буржуазное производство, чем более оно соединяло село с селом, провинцию с городом, тем больше вовлеченные в его водоворот люди научились ценить общий язык,—этого великого посредника в материальном и духовном общении. Капитализм стремился утвердиться прежде всего на национальной основе и породил могучие национальные движения: в раздробленной Германии, в расчлененной Италии, в растерзанной Польше, в Австро-Венгрии, в среде балканских славян, в Армении... Путем революций и войн европейская буржуазия кое-как с прорехами и заплатами разрешила часть национальной задачи. Созданы были единая Италия, единая Германия, без немецкой Австрии, зато с дюжинами королей. Народы России связывались воедино стальными тисками царизма. В Австрии и на Балканах продолжалась ожесточенная междоусобица наций, обреченных на тесное сожительство и неспособных установить мирные формы сотрудничества.

Тем временем капитализм быстро перерос национальные рамки. Национальное государство было для него только трамплином, необходимым для того, чтобы совершить прыжок.

Капитал скоро стал космополитом,—в его распоряжении оказались мировые пути сообщения, он имел агентов и слуг, говорящих на всех языках, и стремился грабить народы земли независимо от их языка, цвета, кожи и религии их жрецов. В то время, как средняя и мелкая буржуазия, а также широкие круги рабочего класса продолжали еще оставаться в атмосфере национальной идеологии, капитализм развивался в империализм, в стремление к миродержавному господству. Мировая бойня с самого начала представляла угрожающую картину сочетания империализма с национализмом: могущественной клике финансового капитала и тяжелой промышленности удалось запрячь в свою колесницу все чувства, страсти и настроения, воспитанные национальной связью, единством языка, общими историческими воспоминаниями и прежде всего общим сожителем в национальном государстве. Выходя на большую дорогу для грабежей, захватов и истреблений, империалисты каждого из борющихся лагерей сумели внушить народным массам мысль, будто дело идет о борьбе за национальную независимость и национальную культуру. Как банкиры и крупные фабриканты эксплуатируют мелких заводчиков и рабочих, так и империализм без остатка подчинил себе националистические и шовинистические чувства и цели, притворяясь, будто служит им и охраняет их. Этим страшным психологическим зарядом великая бойня питалась и держалась в течение четырех с половиной лет.

Но выступил на сцену коммунизм. Он тоже в свое время возник на национальной почве вместе с пробуждением рабочего движения, под первый, еще неуверенный стук капиталистической машины. В учении коммунизма пролетариат противопоставил себя буржуазии. И если она скоро стала империалистической, мирограбительской, то передовой пролетариат стал интернационалистическим, мирообъединительным. Империалистическая буржуазия представляет собой численно ничтожное меньшинство наций. Она держалась, правила, господствовала до тех пор, пока ей удавалось при помощи идей и настроений национализма держать в кабале широкие мелкобуржуазные и рабочие массы. Интернационалистический пролетариат был меньшинством на другом полюсе. Он по праву наделен был вырвать большинство народа из-под духовной кабалы империализма. Но до последней великой бойни народы даже и лучшие и наиболее пронырливые вожди пролетариата не подозревали, какую силу сохранили еще в сознании народных масс предрассудки буржуазной государственности и навыки национального консерватизма. Все это вскрылось в июле 1914 г., который был без преувеличения самым черным месяцем мировой истории, не потому, что короли и биржевики разнуздали войну, а потому, что им удалось внутренне овладеть сотнями миллионов народных масс, обмануть, опутать, гипноти-

зировать их и психологически вовлечь в свое разбойничье предприятие.

Интернационализм, который в течение десятилетий был официальным знаменем могущественной организации рабочего класса, казалось, сразу исчез в огне и дыму международной бойни. Потом он обнаружился, как слабый мерцающий огонек отдельных, разрозненных групп в разных странах. Ученые и неученые жрецы и лакеи буржуазии пытались изображать эти группы, как умирающие остатки утопической секты. Но имя Циммервальда уже тревожным эхом прокатилось по всей буржуазной печати.

Революционные интернационалисты шли своим путем. Первым делом они отдали себе ясный отчет в причинах того, что произошло. Долгая эпоха «мирного» буржуазного развития с его повседневной борьбой профессиональных союзов, реформистским крохоборством и мелкими парламентскими потасовками—создала многомиллионную оппортунистическую на своих верхах организацию, наложившую могущественные оковы на революционную энергию пролетариата. Силой исторических событий официальная социал-демократия, созданная под знаменем социальной революции, превратилась в самую контр-революционную силу в Европе и во всем мире. Она так срослась с национальным государством, его парламентом, его министрами, его комиссиями, она так свыклась со своими друго-врагами,—парламентскими мошенниками буржуазии и мещанства, что в начавшейся кровавой катастрофе капиталистического строя не усмотрела ничего, кроме опасности национальному «единству». Вместо того, чтобы призвать пролетарские массы к наступлению на капитализм, она призвала их к обороне «национального» государства. Она, эта социал-демократия Плехановых, Церетели, Шейдеманов, Каутских, Реноделей, Лонге, мобилизовала на службе империализму все национальные предрассудки, все рабские инстинкты, всю накипь шовинизма, все темное и гнойное, что скопилось в душе трудовых угнетенных масс в течение веков рабства. Для партии революционного коммунизма было ясно, что этот гигантский исторический шантаж должен будет закончиться страшным крушением господствующих кланов и их прислужников. Чтобы вызвать в массах воинственный подъем, готовность к самопожертвованию, наконец, простую способность провести годы в грязных, зловонных ямах окопов, нужно было породить в их сознании огромные надежды, чудовищные иллюзии. Разочарование и ожесточение масс должны были неизбежно принять размеры, пропорциональные масштабу обмана. Революционные интернационалисты (тогда они еще не назывались коммунистами) предвидели это и на этом предвидении строили свою революционную тактику: они «держали курс» на социальную революцию.

Для сознательных меньшинства—империалистическое и

интернационалистическое—объявили друг-другу смертельную борьбу, и, прежде чем их тяжба перешла на улицы городов в виде открытой гражданской войны, она развернулась в сознании миллионов и миллионов трудящихся людей. Это уже были не парламентские конфликты, которые даже в самые лучшие моменты парламентаризма обнаруживали весьма ограниченную силу воспитательного действия. Здесь весь народ, до самых его темных и косных низов, был захвачен стальными когтями милитаризма и насильственно вовлечен в самый водоворот событий. Империализму противостоял коммунизм, который говорил: «Теперь ты на деле показываешь массам, что ты такое и на что способен, а потом настанет очередь для меня». Великая тяжба между империализмом и коммунизмом разрешается не параграфами реформы, не парламентскими голосованиями и не стачечными отчетами профессиональных союзов. События пишутся железом, и каждый шаг борьбы запечатлевается кровью. Это одно уже предreshало, что исход борьбы между империализмом и коммунизмом не будет найден на пути формальной демократии. Решение основных вопросов общественного развития путем всеобщего голосования должно бы означать в настоящих условиях, когда вопросы поставлены ребром, прекращение борьбы между смертельными классовыми врагами и апелляция к третьейскому судье, в лице тех промежуточных, главным образом, мелкобуржуазных масс, которые еще не вовлечены в борьбу или участвовали в ней полусознательно. Но именно эти массы, обманутые великой ложью национализма, обескровленные войной, растерявшиеся, только ищущие выхода, переживающие самые разнообразные противоречивые настроения,—эти массы не могут казаться авторитетным третейским судьей ни империализму, ни тем более, коммунизму, ни даже самим себе. Переждать, отложить разрешение спора до тех пор, пока смятенные промежуточные массы придут в себя и сделают все выводы из уроков войны. Как, каким путем?—Искусственные паузы возможны в атлетической схватке, на арене цирка или на трибуне парламента,—но не в гражданской войне. Чем большего напряжения достигли все отношения, все нужды, все бедствия в результате империалистической войны, тем меньше оставалось объективной возможности ввести борьбу и восстание рабочего класса в рамки формальной демократии, одновременного всеобщего поднятия рук. «В этой войне ты, империализм, показал, на что способен, а теперь пришла моя очередь: я возьму в руки власть и покажу еще колеблющимся, еще смятенным массам, на что я способен, куда и их веду, что я им хочу или способен дать». Таков был лозунг октябрьского восстания коммунизма, таков смысл той грозной войны, которую спартаковцы объявили буржуазному миру на улицах Берлина.

Империалистическая бойня разрешилась гражданской войной. Чем больше капиталистическая война приучила рабочих орудовать винтовкой, тем решительнее они начинают применять винтовку во имя своих целей. Однако, еще не ликвидировав и старая бойня, еще вспыхивают там и там новые кровавые столкновения по линии наций и государств и угрожают разлиться новым пожаром. К тому моменту, когда коммунизм уже празднует свои первые победы и имеет все права не бояться отдельных поражений, из-под вулканической почвы еще вырываются желтые языки националистического пламени.

Вчера еще задушенная, расчлененная, истерзанная и обескровленная Польша, сегодня, в последнем залоздалом оцепенении национализма, пытается ограбить Пруссию, Галицию, Литву и Белоруссию. А польский пролетариат уже строит свои Советы. Сербский национализм ищет грабительского удовлетворения за старые унижения и раны на территории, населенной болгарами. Италия рвет к себе сербские провинции. Чехи, едва вырвавшись из-под немецко-габсбургской пяты, оцепенев от той мнимой самостоятельности, которую им предоставили могущественные шулеры империализма, насилуют города немецкой Богемии и громят русских рабочих в Сибири. Бьют в набат чешские коммунисты. События нагромождаются на события, карта Европы меняется непрерывно, но самые глубокие перемены происходят в сознании масс. Та винтовка, что вчера служила национальному империализму, сегодня в той же руке служит делу социальной революции. Американская биржа, которая долго и искусно разжигала европейский костер, чтобы дать возможность своим банкирам и промышленникам погреть у его огня руки, теперь послала в Европу своего главного приказчика, своего верховного маклера, медоточивого выжигу Вильсона, чтобы поближе рассмотреть, не зашло ли дело слишком далеко. «Хе-хе-хе!» — смеялись еще недавно в бритые подбородки, потирая руки, американские миллиардеры: — Европа стала сумасшедшим домом, Европа истощена, разорена, Европа превращается в кладбище старой культуры; мы будем посещать ее развалины, мы скуним лучшие ее памятники, мы будем щедро давать на-чай августейшим отпрыскам всех европейских династий, конкуренция Европы исчезнет, промышленная жизнь перейдет окончательно к нам, и барыши всего мира станут стекаться в наш, американский карман».

Но сейчас злорадное хихиканье начинает застревать в глотке у биржевых янки. В европейском хаосе все повелительнее и могущественнее поднимает свою голову идея порядка, нового, коммунистического порядка. В сутолоде и сумятице кровавых столкновений империалистических, национальных, классовых наиболее отстающие в революционном отношении народы медленно, но неуклонно равня-

ются по тем, которые уже оставили позади свои первые победы. Из тюрьмы народов, какой была царская Россия на наших глазах, в наши дни, с освобождением Риги, Вильны, Харькова, вырастает свободная федерация советских республик. Нет другого выхода и другого пути для народов бывшей Австро-Венгрии и Балканского полуострова. Советская Германия войдет членом в эту семью, которая месяцем позже или раньше включит в свой состав советскую Италию, советскую Францию. Превращение Европы в федерацию советских республик есть единственно-мыслимое разрешение потребностей национального развития больших и малых народов без ущерба для централистических потребностей хозяйственного единства—сперва Европы, а затем и всего мира.

Буржуазные демократы мечтали в свое время о соединенных штатах Европы. Эти мечты нашли лицемерно-заподзальный отзвук в речах французских социал-патриотов в первую эпоху последней войны. Об'единить Европу буржуазия не смогла, ибо об'единяющим тенденциям хозяйственного развития она противопоставляла разделяющую волю национального империализма. Чтобы об'единить народы, нужно освободить хозяйство от оков частной собственности. Только диктатура пролетариата способна ввести потребности национального развития в их естественные и законные границы и соподчинить нации в единстве трудового сотрудничества: это и будет Федерация Советских Республик Европы на основе свободного самоопределения населяющих ее народов. Другого решения нет. Этот союз будет направлен против Англии, если она отстанет в своем революционном развитии от континента. Вместе с советской Англией европейская федерация будет направлять свои удары против империалистической диктатуры Северной Америки до тех пор, пока заокеанская республика останется республикой доллара,—пока торжествующее хрюканье Нью-Йоркской биржи не перейдет в ее предсмертный хрип.

Еще кровавый хаос стоит над Европой. Старое сочетается с новым. События нагромождаются на события, и кровь наслается на кровь. Но из этого хаоса все решительнее и смелее выступает идея коммунистического порядка, от которой не спасут буржуазию ни ее версальские разговоры, ни ее наемные банды, ни добровольные лакеи соглашательства и социал-патриотизма, ни великий заокеанский покровитель всех душегубов капитализма.

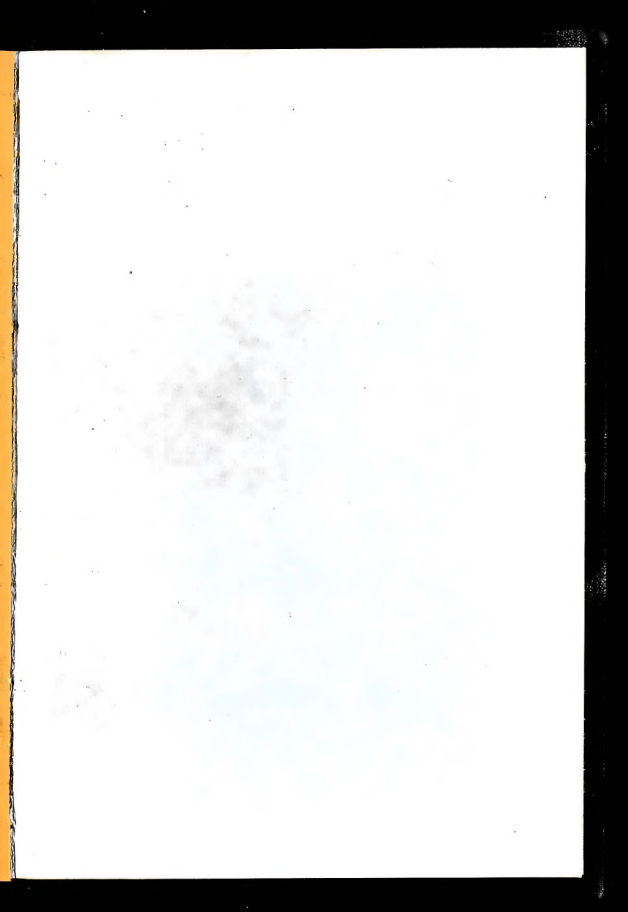
Уже не призрак коммунизма ходит по Европе, как 72 года назад, когда писался «Коммунистический манифест»,—в призрак превращаются идеи и надежды буржуазии,—коммунизм шествует по Европе во плоти и крови.

Издательство Всер. Центр. Исп. Комитета, Тверская, 11.
 Типография „АТИД“. Москва, Лялин пер., д. 19.

1063127

Библиотечка

История Ленинград

1p.

